

Мария П. Котюрова (Пермь)

Объяснительный подход к редактированию научного текста

Ключевые слова:
редактирование, научный текст, контурное мышление, объяснительный подход, качество текста.

У раду се разматрају нека питања теорије и праксе редиговања научног текста са посебним нагласком на експланаторном приступу. Аутор успоставља корелације између структуре редиговања текста и контурног мишљења, док се само контурно мишљење представља као скуп когнитивних контура. Као материјал за анализу послужили су руски текстови магистарских и докторских дисертација, научних чланака и монографија објављених током последњих десет година.

Не без оснований великий Ч. Дарвин считал, что жизнь ученого была бы совсем счастливой, если бы ему не нужно было быть еще и писателем. Как известно, текст должен быть подвергнут хорошему, т.е. целостно-композиционному, редактированию.

В кругу возможных подходов к редактированию научных текстов – таких подходов, как описательный (нормативно-грамматический, нормативно-стилистический) и объяснительный (функциональный, функционально-стилистический),

– в последние 15–20 лет актуальным оказывается именно объяснительный. Если нормативная грамматика – по умолчанию, т.е. как само собой разумеющееся, – начало начал редакторской компетенции, то функциональная лингвистика (особенно же функциональная стилистика, учитывающая не «вообще язык», а необходимый в определенной сфере коммуникации) – «это наука объяснительная, в ее задачи входит объяснение явлений, составляющих функционирование речи, через отношения взаимной зависимости

 Система 2007

потребностей, приемов и недостаточности. Именно функциональная лингвистика должна (и может. – М.К.) объяснять в конечном счете существование, содержание или замену правил системы (Фрей 2006: 22). По нашему глубокому убеждению, именно функциональный подход к редактированию научных текстов, опирающийся на нормативно-грамматический (а не ограничивающийся им), является объяснительным и может стать прогнозирующим. Надо сказать, что объяснение самого процесса редактирования лежит в русле современной лингвистики, о которой А.Е. Кибрик пишет, что она «вплотную подходит к рубежу, когда автономный описательный подход себя изживает... Устройство языковых объектов таково, что их невозможно правильно выделить, проанализировать и в конечном итоге описать безотносительно к их функциональной природе. Исходя из того, естественно ожидать, что на смену как-лингвистике придет *зачем/почему*-лингвистика, в основе которой будет лежать примат объяснения» (Кибрик 2003: 103).

Предполагается, что такой подход к тексту и его редактированию даст возможность ответить на вопрос о том, почему в «жестком» (сравнительно, например, с разговорной речью) тексте, фиксирующем речь «навечно», тиражируется масса ошибок и погрешностей (учитывая *современную* норму русского литературного языка).

Хорошее редактирование текста нельзя вместить в сознание, не упрощая этого сложного феномена. Упрощение же достигается двумя путями – фрагментарным, связанным с делением объекта на части, и системным. Мы избираем второй путь.

Методологическая трудность интерпретации редактирования как системы

заключается в следующем. Изменив ракурс рассмотрения текста в сторону проблем его редактирования, мы вынуждены специально разрабатывать структуру изучаемой системы в целом, выбирать внутри этой структуры элементы, устанавливать связи между ними и, наконец, интерпретировать полученные результаты в рамках общей системы коммуниктивно-познавательной деятельности.

Редактирование научного текста, условно, представляет собой системный процесс совершенствования текста. Однако нельзя объять необъятное. Системный подход предполагает моделирование не всех, а базовых взаимодействий элементов, чтобы предоставить ориентиры для проверки конкретного текста «на соответствие» этим ориентирам, или контурам. В кибернетике такой подход к системному мышлению получил название *контурное мышление*. (Контур – замкнутая цепь причинно-следственных связей). Мы соотносим структуру редактирования с контурным мышлением, а контурное мышление – с совокупностью контуров. В данной статье будут рассмотрены лишь некоторые из них.

Материалом анализа послужили тексты авторефератов кандидатских и докторских диссертаций, научных статей, монографий, опубликованных в течение последних десяти лет. В связи с этим в качестве материала исследования оказываются те речевые погрешности, которые остаются в тексте не «по незнанию», а по каким-то другим причинам.

Под речевыми погрешностями понимаем отступления от функционально-стилевых норм, обусловленных законом смыслового согласования (прежде всего на основе абстрактности/конкретности лексических значений), линейностью речи, контактным либо дистантным распо-

ложением сегментов речи, подчеркнутой логичностью и связностью научного изложения. Такие погрешности в соответствии с нормативным подходом к тексту требуют устранения, в то время как при функциональном – объяснения.

Оценивая собранный материал, можно считать, что дать полный свод (реестр) речевых погрешностей, пожалуй, не представляется возможным из-за их необычайного разнообразия. Ясно также, что погрешности имеют различные причины – когнитивные (неясность мысли), психолингвистические (невладение целостным композиционным рече-мышлением), психологические (неустойчивое, нефиксированное внимание к тексту и др.). Действие этих факторов носит разнонаправленный характер, причем «негативный продукт» не всегда очевиден, поэтому нуждается в объяснении.

1. Трансдисциплинарный подход к редактированию научного текста

В функциональном аспекте редактирование рассматривается не как итог законченного, закрытого процесса, а как продолжающийся, открытый процесс, вовлеченный в творческую, а значит, осмысленную, текстопорождающую деятельность. Такое понимание редактирования представляется плодотворным потому, что предоставляет возможность найти объяснение погрешностям, пропущенным в опубликованном тексте.

Именно в связи с этим понимание редактирования как открытой системы предполагает проявление толерантности к авторскому использованию языка для выражения нового, неизвестного ранее (до этого, сиюминутного речения) знания. [Хотя, как известно, но наиболее аргументированно об этом сказано Н. В.

Данилевской (1992, 2005), новое знание всегда включает в качестве необходимого компонента «старое», известное.]

Важно подчеркнуть, что благодаря крупницам того, чего не было ранее, как еще не было сказано, только и происходит развитие языка, соответствующее потребностям углубления и расширения знания. В то же время толерантность не тождественна вседозволенности употребления языка, поскольку не уполномочена противоречить глобальным эволюционным законам формирования языковой картины мира. В связи с этим уместно привести выразительное суждение Анри Фрея, высказанное им в 1929 г.: «...силы, которые руководят рождением языка, проявляются в рамках «продолжительного творения» и, конечно же *в разной дозировке*, в современном лингвистическом функционировании (курсив наш. – М. К.)» (Фрей 2006: 18). Только языковое чутье редактора и может уловить «разную дозировку» изменений в функционировании языковых единиц.

Объяснительный подход к речевым погрешностям по существу является трансдисциплинарным, так как объединяет анализ текстовых ситуаций с разных позиций – лингвистических, эпистемических, формально-логических, психологических. В рассматриваемом отношении важно, что многоплановое междисциплинарное обращение к тексту позволяет установить не только речевые погрешности, но и объяснить причину их «оседания» незамеченными в тексте.

лингвистический взгляд на текст фиксирует такие отклонения от речевой нормы, которые можно считать традиционными «школьными» ошибками [Традиционные орфографические, грамматические (типа нарушений управления: *объектом для наблюдений* – надо *объек-*

том наблюдений; метод поисков и подготовки – надо метод поиска и подготовки; оригинальный подход рассмотрения – надо оригинальный подход к рассмотрению и др.), а также пунктуационные (типа отсутствия запятой перед вводным словом так, например или неверной постановки знаков тире и двоеточия в бессоюзных предложениях и др.) мы здесь не рассматриваем.]

С ЭПИСТЕМИЧЕСКИХ позиций нетрудно выявить погрешности в употреблении слов широкой семантики типа *факт, явление, феномен, проблема, процесс, фактор* и др. (они являются избыточными) без учета специфического содержания научного текста.

Например: Далее производился *процесс* сушки плодов; Рассмотрение производного слова позволило обосновать понимание *феномена* *иконичности* как важнейшего направления *процесса* *семиозиса*; На завершающем этапе обработки данных констатировался уже не только *факт* общего *восприятия* текстов, а *факт* различного *восприятия* подтекста.

Нечеткая ФОРМАЛЬНО-ЛОГИЧЕСКАЯ развертка содержания при порождении текста приводит к погрешностям, связанным с неточным выражением отношений как между членами предложения, так и между самостоятельными предложениями.

Например: При этом *понятие* речевого произведения *отграничивается от узкой трактовки* понятия текста – надо: При этом понятие речевого произведения отграничивается от понятия текста в узкой трактовке; В работе акцент делается *именно на процессе* восприятия подтекста, а *не процессе* его понимания – надо: В работе акцент делается *именно на восприятии* подтекста, а не его понимании; *Неполнота* исходных данных является

в целом прагматической предпосылкой употребления данных глаголов. *Различие же* между ними проходит по другим семантическим признакам – несопоставимые признаки *неполнота* и *различие* не могут входить в отношения противопоставления, выраженные союзом *же*.

Психологический компонент объяснения погрешностей связан с тем, что личность ученого (несмотря на массовый характер современной науки) по-прежнему является уникальным генератором творческой идеи, научное познание в немалой степени обусловлено личностно-интеллектуальными особенностями исследователя. Как писал Ф.Энгельс, «для опыта имеет существенное значение, *какой ум* приступает к изучению действительности. Великий ум делает великие наблюдения и усматривает в пестрой игре явлений то, что имеет значение» (Маркс и Энгельс, т. 20: 520). Не случайно психолог А. М. Улановский считает, что «сам подход, при котором в фокусе оказывается не только текст, но и личность, породившая его, по своей сути является прежде всего психологическим, что предполагает анализ не только текстовых структур (предложений, внутритекстовых связей и т. д.), но неких внетекстовых, собственно психологических структур (целей, мотивов, установок и т. д.)» (Улановский 2006: 53–54). Продолжая эту мысль, можно включить в психологические структуры типы личности ученых, установленные с учетом мировоззрения (реалист, романтик) и когнитивного стиля (аналитик, классификатор и др.), а также виды внимания, сопутствующие специфическому редактирующему чтению (нами установлено волнообразное, челночное, скачкообразное, спиралевидное – см. об этом в: Котюрова 2006: 71–79).

Именно психологический компонент объяснения позволяет объединить такие

разные явления, как, с одной стороны, контаминация, с другой – тавтология, плеоназмы, случайные каламбуры, поскольку причиной их «допуска» в научный текст является недостаточно концентрированное на текстовой форме внимание автора. Эта же причина лежит в основе таких отклонений, которые можно было бы считать традиционными ошибками; см., например, нарушение согласования подлежащего и сказуемого в числе, однородных определений и определяемого слова и др. Однако мы склонны отнести столь *очевидные* отклонения от нормы именно к погрешностям, учитывая их происхождение (не от незнания, а от недостаточного внимания).

Подчеркнем, что трансдисциплинарный объяснительный подход к речевой деятельности ученого и ее продукту – научному тексту мы видим, по меткому выражению Е. Вучевой, не как соперничество между отдельными дисциплинами, которые взаимно оспаривают эпистемологический статус, а как возможность дополнения и взаимодействия в рамках единого антропологического подхода к речевой деятельности (и тексту) (Вучева 2005: 84–85).

2. Системный подход к редактированию научного текста

Функционально-стилистические исследования, одним из основных принципов которых признается единство собственно лингвистической и экстралингвистической сторон, неизбежно учитывают такие когнитивные феномены, как структуры знания, память, внимание и др. Тем самым возникает необходимость обратиться к научному психологическому знанию. В результате может быть создана глубокая теоретическая основа для изучения про-

блем редактирования научного текста, порождаемых всей когнитивной системой человека в контексте его коммуникативно-познавательной деятельности.

Научный текст как готовый продукт речевой деятельности не может быть отчужден от коммуникативно-познавательной ситуации, ее закономерностей, а его структура в определенной мере обусловлена структурой получения нового знания. В связи с этим полагаем, что автор в процессе редактирования своего текста может реконструировать мыслительные процессы, соотнести их с коммуникативно-познавательной стратегией, а затем и улучшить, усовершенствовать текст. При этом ясно, что для усовершенствования текста целого научного произведения необходима концентрация *целостно-композиционного мышления*.

Целостно-композиционное мышление при редактировании своего научного текста, оперирующее целым потоком информации, нельзя вместить в сознание, не упрощая этого сложного феномена. Упрощение же достигается двумя всем известными путями – фрагментарным, связанным с делением объекта на части, и системным. Мы избираем второй путь, считая целесообразным использовать методы системного моделирования, так как осознаем необходимость «панорамного» взгляда на предмет рассмотрения.

Нельзя не согласиться с обобщением Ю. Т. Рубаника: «Люди никогда не видят «чистой», «истинной» реальности. Видение и понимание окружающего нас мира определяется понятийными фильтрами (ментальными моделями), т. е. концепциями, представлениями... Их можно уподобить линзам, призмам в перископах, через которые мы рассматриваем окружающий нас мир... Искусство системного мышления дает возможность увидеть

и понять мир (в частности, мир текста. – М. К.) в единстве, в широкой, глубокой и образной перспективе» (Предисловие к русскому изданию книги: О’Коннор 2006: 15–16).

Мы принимаем системный подход к объекту как инструмент изучения текста и применяем, используем концепцию системного мышления к редактированию текста, так как именно системное мышление дает возможность перейти от простой фиксации речевых событий (отклонений от нормы) к пониманию структурных взаимосвязей, порождающих последовательности (паттерны) таких событий. Кстати, позитивно оценивая системное мышление, Дж. Е. Беллингер пишет, что «на системное мышление можно положиться» (О’Коннор 2006: 18).

Почему мы считаем целесообразным применить системный подход к описанию редактирующего мышления автора научного текста? Во-первых, системный подход к объекту – тексту – представляет собой единую методологическую основу для понимания специфического предмета – редактирования текста. Во-вторых, системный подход предоставляет *перспективу* совершенствования научного текста в процессе углубления в смысловую структуру текста и концентрации внимания на соотношении мысли и речи (содержания и формы). В-третьих, обращение к пониманию редактирования научного текста в кибернетическом аспекте, в аспекте общей теории систем, полезно для этого прикладного направления лингвистики в плане развития *технологии* редактирования.

Принципы кибернетики позволяют обосновать трансдисциплинарное понимание этого процесса. Чтобы такая трактовка успешно развивалась и способствовала эффективному осуществлению

редактирования, необходимо, чтобы в ней «взаимосвязано сосуществовала пара языков» (Митина 2006: 42). Такую пару языку лингвистики в данном случае составляет язык кибернетики. В результате сосуществования этой пары языков возникает новая информация о редактирующем мышлении с присущей этой информации условной эквивалентностью вместо тождества соотносимых понятий. Интересно, что неточное соотношение смыслов текста в сознании автора и читателя, т. е. непонимание, составляет один из существенных элементов всякого творческого мышления. В связи с этим считаем совершенно справедливым афористичное суждение О. В. Митиной: «Абсолютно понятный текст в то же время и абсолютно бесполезен» (Митина 2006: 45). Психолог Д. А. Леонтьев отмечает, что «понимание не гарантировано, оно ограничено; всегда существует определенная граница понимания», и ориентирует на «толерантность к собственному непониманию» (Понимание 2006: 24). *Хороший* научный текст – это функциональная гетерогенная система открытого характера, имеющая внешний источник энергии в окружающей как лингвистической, так и экстралингвистической среде.

Открытый характер научного текста как функциональной системы проанализирован более 30 лет назад на материале жанра статьи Д. Дж. Прайса, работу которого «Тенденции в развитии научной коммуникации – прошлое, настоящее, будущее» Э. М. Мирский и В. Н. Садовский обобщают следующим образом: «Статья в научном журнале, которая с конца XVIII века и в течение долгого времени являлась основным средством коммуникации на переднем крае науки, ни исторически, ни логически не может быть жестко связана с выполнением этой функции. С

одной стороны, исторически более ранними средствами оперативной коммуникации на переднем крае науки были письма, а затем – монографии (сама статья первоначально представляла собой письмо в редакцию журнала), а с другой стороны, сегодняшние исследователи все чаще обращаются за оперативной информацией к рефератам, а не к самим статьям. Таким образом, коммуникационная система науки (тексты. – М. К.) каждый раз пополняется новыми средствами, однако старые при этом не исчезают – изменяются их функции, но они сохраняются в рамках целостной системы» (Коммуникация 1976: 7).

Системный подход к пониманию процесса редактирования своего текста акцентирует внимание на тех взаимодействиях, которые становятся причиной

возникновения новых свойств, присущих системе в целом, а не ее элементам. Такими эмерджентными свойствами текста являются смысловая целостность и связность выражения содержания. Целостный «узор ковра» создан автором благодаря отбору языковых элементов и сочетанию всех его элементов.

Применим системное мышление к пониманию текста как системы. В таком случае важно прежде всего подчеркнуть, что научный текст представляет собой сложноорганизованную систему, которая состоит из множества элементов, или подсистем, и все они способны пребывать в разных состояниях, изменяющихся в ответ на то, что происходит с другими частями. Стремясь конкретизировать это общеизвестное утверждение, представим употребление модальных слов:

Здесь *необходимо* построить новый дом [Заменить старый]

Здесь *можно* построить новый дом [Построить новый или оставить старый]

Здесь *невозможно* построить новый дом [Оставить старый]

Как видим, смысл высказывания имеет принципиально различные варианты. Сложная система пронизана множеством связей, поэтому можно представить ее «в виде особого рода паутины, каждый элемент которой связан со многими другими и влияет на них. Чем больше в ней элементов, тем выше сложность детализации. Чем шире круг их возможных состояний, вариантов формирования временных альянсов [читатель может и не замечать или игнорировать их. – М. К.], тем больше число возможных связей между ними и тем выше динамическая сложность данной системы» (О’Коннор 2006: 39).

Интересно, что «система действует как мощная эластичная сеть: когда перетягивают какой-нибудь узел на новое

место [или останавливают на нем внимание. – М. К.], он остается там лишь до тех пор, пока его удерживают. Стоит его отпустить, и он немедленно займет прежнее положение» (О’Коннор 2006: 40). *Эластичность* – не только объяснимое, но и неизбежное свойство системы.

«Хороший пример – решения, принимаемые в Новый год. Представьте, что есть привычка, от которой вы хотели бы избавиться. Она вам не нравится и кажется чем-то «посторонним», что можно просто отбросить, и сразу станет лучше. Но она элемент системы поведения и связана с множеством других элементов вашей жизни. В Новый год вы принимаете решение измениться, но привычка каким-то образом сохраняется, если не проявлять постоянной бдительности.

Вы будете в напряжении – в буквальном смысле слова. Как ни старайтесь, толку не будет. Дело не в том, что привычка или стиль поведения так уж сильны сами по себе. Сила сопротивления изменениям обусловлена проявлением других связанных с этой привычкой элементов вашего поведения. Попытка удалить ее тянет за собой изменение остальных привычек и особенностей образа жизни, которые с ней связаны. С позиций системного мышления следует признать, что решения, принимаемые в Новый год, трудно выполнить» (О'Коннор 2006: 41).

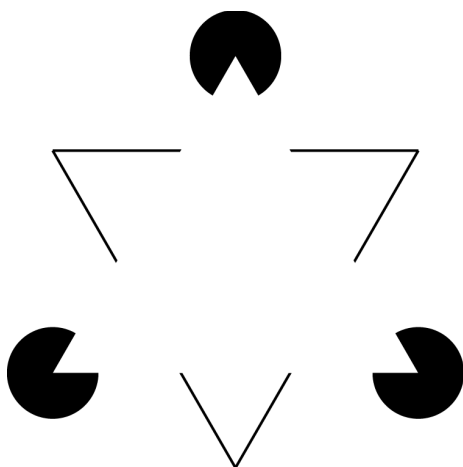
Внимание к одному элементу текста как системы связано с испытанием «запаса эластичности» системы. Примером может служить более широкая, чем в личном тексте, разработка того или иного понятия в процессе саморедактирования текста. Такое расширение (уход в сторону) может привести к изменению не только фрагмента, но и всей концепции, а значит, всей системы текста. Запас эластичности системы оказался исчерпанным, система распалась, что потребовало не доработки, а *переработки* системы. Без переработки, т. е. формирования по существу новой системы, текст потеряет одно из основных свойств – логичность речи.

Важно определить ключевые связи элемента (например, понятия) системы с другими элементами этой системы и либо «обрубить» их, либо «ослабить». О'Коннор считает такое отношение к связям внутри системы «главным принципом системного мышления», поскольку «имея дело с системой, невозможно осуществлять точечные изменения». Связанность элементов системы порождает возникновение закономерных побочных эффектов, причем чем сильнее «лекарство», тем вероятнее проявление побочных эффектов.

Понимание текста в качестве системы-паутины с неизбежностью вынуждает поставить вопрос о том, как изучать такую паутину. Здесь-то и может прийти на помощь понятие *контурное мышление*. Контурное мышление предполагает обратную связь. «Словосочетание «обратная связь» часто используется для обозначения любой реакции, но на самом деле оно означает восприятие результата наших действий, влияющее на последующие действия, т. е. двустороннюю связь. Обратная связь реализуется в контуре, который можно представить в виде петли, поэтому мышление в категориях обратной связи – это *контурное мышление*» (О'Коннор 2006: 49). Понятие «контурное мышление» вполне применимо к анализу текста, так как даже не получая сигнала об обратной связи непосредственно, мы его домысливаем, т. е. в восприятии читателя непременно образуется контур петли обратной связи. Несомненно, что «наличие обратных связей – неотъемлемая характеристика систем: нет обратных связей, нет и систем» (О'Коннор 2006: 53).

Вместе с тем существенно подчеркнуть, что при формировании петли обратной связи могут возникнуть заблуждения, основанные на иллюзиях восприятия мира (в нашем случае – текста). Сначала приведем очень яркий графический пример из книги О'Коннора – пример убедительной иллюзии белого треугольника, которого нет на рисунке. (См. О'Коннор 2006: 82).

Основной иллюзией автора текста является представление об адекватном прочтении читателем зафиксированной в тексте мысли. Это заблуждение автора проиллюстрируем предложением, в котором заложена вариативность смысла. Ясность в интригу вносит глагол, который

Треугольник Канижа

вместе с тем требует синтагматической и интонационной перестройки высказывания. См. пример: **В связи с этим важным постулатом / настоящей работы / является тезис о том, что...** – что неверно; надо: **В связи с этим / важным постулатом настоящей работы является тезис о том, что...**

Интересно, что в английском тексте в аналогичной ситуации была бы поставлена запятая: Как пишет Н. К. Рябцева, «английская пунктуационная система, в отличие от русской, двигалась в направлении *делimitации тех зон*, в которых отсутствие знаков приводит к затруднениям понимания или двусмысленности» (Рябцева 2005: 195).

Как видим, стечение форм Т. п. указательного местоимения в предложном сочетании *в связи с этим* и субстантиватрибутивного сочетания *важным постулатом* требует вмешательства либо самого автора (при саморедактировании), либо редактора. В данном случае достаточно опустить связочное сочетание *в связи с этим*.

Иллюзия адекватного восприятия текста читателем может привести к простой небрежности выражения мысли; см., например, в отношении связи между предложениями: *В центре современных лингвистических исследований – концепт языковой личности. Это связующее звено* [или: это / связующее звено? – М. К.] *между человеком и языковой системой. Он* [концепт или человек? – М. К.] *включает данные исследований о зарождении, развитии, восприятии речи.*

41

Таким образом, редактирование научного текста представляет собой, безусловно, системный процесс реконструкции коммуникативно-познавательной деятельности. Этот процесс включает такие эксплицитные (представленные в наличии) элементы, как субъект познавательно-коммуникативной деятельности (S1 – он же автор), и реальный текст. Кроме того, в процессе редактирования незримо присутствуют имплицитные (не выраженные специальными языковыми средствами, но подразумеваемые) элементы: смысл текста, выражаемый автором; субъект познавательно-коммуникативной деятельности (S2 – он же читатель); смысл текста, формируемый читателем; другие тексты, с которыми в разных отношениях связан данный текст; экстралингвистическая среда, прежде всего эпистемическая, связанная с научной познавательной деятельностью, как источник смыслового богатства текста. Важно подчеркнуть, что даже частичное (временное) «выпадение» какого-либо элемента из рассматриваемой системы редактирования научного текста приводит к сбоям, отклонениям от нормы хорошего текста.

В норме, в практической деятельности, редактирование протекает преимущественно не осознаваемо. В значительной

степени неосознаваемости предопределяется тем, что механизм идентификации данного, конкретного текста с нормами литературного языка и его использования в речи (тексте) действует прежде всего в автоматическом режиме. Автоматизация этой деятельности обеспечивается овладением нормами (знанием норм) литературного языка, а также функционально-стилевыми нормами порождения научного текста. Автоматизированное редактирование осуществляется до тех пор, пока интерпретация текста на соответствие (или несоответствие) нормам – орфографическим, пунктуационным, стилистическим – не вызывает затруднений, пока для субъекта редактирования текстовые единицы являются стереотипными, не требующими реакции «стоп!» Кстати, стереотипными можно считать не только конвенциональные правила, но и случаи их нарушения из-за незнания этих правил. Такие нарушения легко исправляются опытным редактором, так как обработка соответствующей информации и ее преобразование соотносятся с четким, хотя и компрессированным алгоритмом его мысли.

Напротив, автор научного текста, имея коммуникативное намерение выразить научное знание, использует язык прежде всего осознанно. Хотя не только. Именно в тех случаях, где, кажется, нет необходимости с напряжением удерживать внимание, чтобы не допустить

погрешностей в речи, оно ослабевает и пропускает отклонения от нормы смыслового и грамматического согласования, управления и т. д. Многие ситуации, связанные с порождением текста, требуют наличия не столько научной (содержательной) компетенции, сколько психологической настроенности на создание хорошего текста, наличия коммуникативного намерения достичь необходимого качества текста. Мысль ускользает – и это приводит к неполноте выражения; «топчется на месте» – к избыточности; притягивает какой-либо компонент из другого «слоя абстракции» – к смысловому несогласованию; какой-либо компонент высказывания дистанцируется – разрыву связи и т. д. В связи с этим подчеркнем, что объяснительный аспект концепции редактирования опирается на *психологические* основания самого материала исследования. Важно и то, что погрешности в опубликованных научных текстах имеют не индивидуальный, а стереотипный характер, что позволяет типологизировать эти погрешности и описать их с целью предупреждения.

3. Психологический компонент объяснения погрешностей в научном тексте

Системный подход к тексту и его редактированию ориентирует нас на разработку такой ментальной модели текста¹

1) Понятие *ментальной модели текста* соотносительно, хотя и не тождественно с более широкими понятиями *коммуникативный идеал* (Дементьев 2006) и *тип текста* (Чернявская 2004). Последнее используется «для обозначения культурно-исторически сложившейся продуктивной модели, образца текстового построения, определяющего функциональные и структурные особенности конкретных текстов (экземпляров текста) с различным тематическим содержанием» (Чернявская 2004: 35). Несомненно, что «каждое конкретное текстовое произведение – экземпляр текста – существует как представитель соответствующего типа текста» (там же), однако с тем уточнением,

целого научного произведения, которая обладала бы силой общей идеи, формирующей системное мышление и автора, и читателя. В данном случае важно, что ментальная модель (общая идея) текста выступает в качестве посредника между редактируемым и отредактированным текстами. При этом базовая ментальная модель членится на совокупность взаимосвязанных частных моделей. В соответствии с общей теорией систем системное мышление можно понимать как сеть (паутину) многомерных элементов, рассматриваемых в разных ракурсах: это не просто комплексное и всестороннее, но и вертикальное, и горизонтальное, и глубокое, и цикличное мышление.

Отсюда ясно, что системное мышление – с данной утилитарной целью, т. е. для обобщения процесса редактирования, – необходимо схематизировать, упростить, иначе говоря, сконструировать базовую ментальную модель текста.

Наличие ментальной модели, т. е. абстрактного, отвлеченного от реальной действительности представления о тексте, само по себе не гарантирует ни качества этой модели, ни – тем более – качества заполнения этой модели языковым материалом в процессе порождения текста. Ясно, что автору важно сформировать модель, соответствующую гармоничному тексту, т. е. модель

а) *минимизированную*, состоящую из вполне обозримого количества элементов;

б) *гибкую*, эластичную, в которой без нарушения связей элементов можно расширять или сужать любой элемент, а так-

же усиливать или ослаблять его связи с другими элементами;

в) *динамичную*, в которой динамика достигается за счет вариативности элементов (эффекта мультипликации).

Гармония многолика, не всегда очевидна, но всегда труднодостижима. Предваряя рассмотрение модели эталонного текста, приведем пример из истории науки, иллюстрирующий мысль о том, что вхождение научного открытия в общий фонд знания «окроплено как общепризнанной мудростью, так и разбитыми надеждами» (О'Коннор 2006: 81). Этот пример подчеркивает зависимость от качества текста такого важного аспекта научной деятельности, как своевременная оценка и признание результатов проведенного исследования.

В связи с этим интересно «вхождение» в научное знание открытия, положившего начало молекулярной биологии в зарубежной науке. Открытие было представлено в статье О. Эвери с соавторами, опубликованной в 1944 г. Статья пользовалась меньшей известностью и признанием, чем того следовало ожидать в свете имеющихся теперь представлений. Г. В. Вайятт, изучавший причины такого положения, констатирует следующее. Во-первых, в заголовке статьи не содержалось *ключевых слов*, которые способствовали бы ее признанию в то время. Во-вторых, содержание *заключения* к статье также не способствовало этому: «Представленные данные укрепляют уверенность в том, что нуклеиновая кислота дезоксирибозного типа играет основную роль в трансформации пневмококка типа III». В

что при редактировании тип текста (понятие определенной степени абстракции) опосредован ментальной моделью (понятие более низкой степени абстракции) научного текста, «обитающей» в сознании автора (в качестве редактора) или редактора.

заклучении «нет упоминаний ни о генах, ни о мутации, ни вообще о каких-либо терминах, позволяющих связать сделанное Эвери и его соавторами открытие с общими идеями генетики». В-третьих, «если у Эвери в резюме содержится лишь беспристрастное изложение фактов, то у Херши и Чейз (на эту же тему, однако позднее, в 1952 г. – М. К.) *изложение фактов перемежается с их интерпретацией*» (разрядка наша. – М. К.). Автор заключает: «... нет никаких оснований надеяться, что статья, аналогичная работе Эвери, вновь не встретит такой же прием. Напротив, при увеличившемся числе публикаций ситуация может оказаться еще более трудной... *Новая информация усваивается лишь тогда, когда она без особого труда укладывается в общепринятые представления. Информация не признается в качестве таковой, пока она не превращается в знание*» (разрядка наша. – М. К.) (ВайтТТ 1976: 374–388).

Подчеркнем, что любая модель – это не копия, она дает лишь контурное представление о чем-либо. Живое наполнение модели имеет динамический характер, поскольку она ориентирована на модификацию (вариативность). Однако именно с возможностью модификации и соотносится основное достоинство модели.

Из литературы по функциональной стилистике, лингвистике текста, стилистике текста и других направлений, в рамках которых изучается целый текст, известны его феноменологические свойства. На основе целого ряда зафиксированных свойств реальных текстов построим модель как единство «замкнутых» контуров обратной связи – цепей причинно-следственных связей, но открытых для реального заполнения языковыми единицами. Это минимизированная (схематичная) модель качества эталонного текста, представленная совокупностью его взаимосвязанных свойств.

Схема 1: *Качество текста*

• Монолитность	• членимость
• логичность	• ассоциативность
• связность	• прерывистость
• целостность	• композитивность
• понятность	• «мучительное непонимание»

Системе «Качество текста» соответствует метафора *система-паутина*, отражающая связи элементов (частных качеств текста). Схематичное представление системы подчеркивается самим термином *контур*, обозначающим частное качество (понимаемое как одна из характеристик текста). Контур – внешнее очертание чего-нибудь, контурная линия – прерывистая, из точек. Вместе с тем термину *контур* мы придаем более широкое, объемное, значение, приме-

няя термин в отношении содержания и формы того или иного качества. Контур – это ориентир для наблюдения за тем или иным качеством речи в пространстве текста *целого* произведения. См., например, связность: нельзя в одном фрагменте контролировать выражение связности (в частности, связи двух смежных предложений), а в другом – не обращать на нее внимания; это качество текста проявляется на протяжении всего текста. Так же и логичность, которая проявляется и

внутри предложения, и между самостоятельными предложениями, и между более сложными единицами.

Как видим, контуры системы, названной нами «Качество текста», образуют (на схеме) по горизонтали пары, взаимосвязанные на градуальной основе; см.: монолитность – членимость, логичность – ассоциативность, связность – прерывистость, целостность – композитивность, понятность – непонятность как «мучительное непонимание». Те же контуры системы, если рассматривать их на схеме в разных направлениях, оказываются связанными как по вертикали, так и перекрестно; см.: логичность – связность – целостность; членимость – ассоциативность – прерывистость – композитивность; членимость – логичность, членимость – связность, членимость – целостность, логичность – прерывистость, логичность – композитивность и др.

Система «Качество текста» соответствует метафоре *система – паутина*, поскольку имеет полипараметральный характер (многоконтурный), ей присуща *эластичность* (внимание к одному свойству / элементу может изменить форму всей «паутины»), а также *открытость* и *релятивность*, поскольку ни один из контуров этой системы не является абсолютным, проявленным в высшей степени.

Данную модель текста можно рассматривать прежде всего как описательную, служащую для формирования определенного конструкта из «старых», известных, имеющих, но еще не собранных после «нахождения», установления компонентов. Но не только описательную. Эта модель текста по существу является

метамоделью, поскольку выполняет познавательную, а именно объяснительную, функцию; эта модель способствует пониманию *других*, ранее не известных текстов – пониманию, связанному с дальнейшим «манипулированием»² свойствами текста. Хотя при этом считаем необходимым привести методологически важное замечание психолога А. В. Брушлинского: «Любые... компоненты живого мыслительного процесса (зафиксированного в тексте. – М. К.) настолько органически, неразрывно взаимосвязаны, что их нельзя рассматривать так же, как... отдельные друг от друга детали машин или элементы множеств, лишенные генетических связей» (Мышление 1982: 18–19).

Модель эталонного текста соотносится нами с его формально-содержательным единством как «смыкающим компонентом акта коммуникации» адресанта и адресата (Брудный, Садыкбекова 2006: 17). В связи с этим не только реальный текст, но и модель эталонного текста хранит отпечаток психологических характеристик, обусловленных *восприятием* текста со стороны коммуникантов. Почему имеется в виду восприятие со стороны адресанта, т.е. автора текста? Потому что автор предполагается не во всем объеме присущих ему свойств, а лишь в ипостаси лица, редактирующего свой, уже созданный текст. В свою очередь, адресат предполагается также как выполняющий определенную функцию – редактирование текста целого произведения определенного жанра (статьи, монографии, автореферата, диссертации и др.).

На основании сказанного эталонный текст, предназначенный для редактиро-

2) Данное утверждение опирается на суждение философа Б. О. Майера о том, что «в современной науке выделяется два метанаправления: «манипулятивная наука» и «наука для понимания»». (Майер 2006: 27)

вания, это текст, обладающий *целостностью* содержания как эмерджентным свойством, возникающим в результате преодоления линейности текста благодаря его перестройке, т. е. *композитивности* содержательной стороны текста. Ясно, что взаимосвязанные свойства целостности-композитивности глобализируют, объединяют и весь линейно представленный текст, и его фрагменты, части. Эта пара свойств представляет собой метациентр, который управляет совокупностью оппозитивно организованных конкретизирующих свойств *монолитности-членимости* содержания. О монолитности содержания, как известно, свидетельствует наличие заглавия типа *Генетика*, *Неорганическая химия* и даже совокупности последовательно либо иерархически связанных заголовков, т. е. оглавления текста целого произведения. Общеизвестна и членимость содержания научных текстов целых произведений на разделы, части, главы, параграфы, логические единства (логемы), абзацы и т. д. При этом важно подчеркнуть, что все эти структурно-содержательные компоненты текста образуют смысловую целостность. Целостный текст, или текст как целостность, не может не члениться на смысловые компоненты, объединяемые на основе того или иного композиционно-смыслового принципа – последовательности и иерархии. При этом формальное, внешнее, членение текста способствует восприятию его содержательной, внутренней, целостности. Текст произведения целостен в структурно-смысловом отношении, что поддается осознанию лишь при выходе за его пределы, при взгляде со стороны, в сопоставлении с другими текстами.

Целостность научного текста соотносится прежде всего с его логико-семан-

тическим единством, которое достигается благодаря системе терминов. В тексте целого произведения терминологические понятия связаны логико-семантическими отношениями пространства, времени, причинно-следственными целевыми; тождества, сходства, аналогии, противоположности и др., а также ассоциативными отношениями типа часть – целое, род – вид и др. Сеть логико-семантических отношений реализуется в тексте не только в предложениях, но и в более сложных единицах (абзацев, сложных синтаксических целых, фрагментов текста на основе вышеназванных принципов последовательности и иерархии).

Принцип четко определенной последовательности смысловых элементов реализуется в текстах с жесткой содержательно-смысловой структурой, например, в текстах научных статей, посвященных описанию экспериментов в области химии и физики. Иерархический принцип смысловой организации научного текста является универсальным, поскольку соотносится с универсальным свойством научного знания (в науковедении именуется единством), а также свойством смысла любого текста, психолингвистически осознаваемое как латентная целостность текста.

Вместе с тем следует отметить, что целостность текста присуща тем или иным произведениям в разной степени. В частности, в объемных исследованиях по существу недостижима смысловая гармония (исключения подтверждают общее правило), поэтому текст не может соответствовать идеальному, эталонному представлению о развертывании замысла в целостную форму текста, например, текста теоретического характера. Отклонения от «эталонного представления» имеют нелингвистические причины.

Такой причиной может явиться неразработанность проблемы или даже недостаточно строгое отношение к специфике именно научного знания.

Целостность текста – это «стратегическое» свойство текста, присущее отдельному произведению во всей его полноте. При таком взгляде на целостность легко оценить значимость периферийных, сопутствующих текстов, а именно введения, выводов, заглавия, оглавления, аннотации и др., поскольку в свернутом виде в них представлено то же содержание, что и в основном, хотя по форме оно и вариативно.

Итак, целостность имеет наиболее общий характер, а все другие из названных – частный. Членимость, логичность и связность пронизывают содержание текста, а значит, способствуют смысловой целостности в разных направлениях, «встречаясь» при этом на текстовой «пересеченной местности». Целостность текста обусловлена его содержанием, представляющим собой именно научное знание, логичность – понятийной природой научного мышления, связность – многомерностью, гетерогенностью содержания, отражающего полифонию коммуникативно-познавательного процесса.

В соответствии с моделью эталонного текста под логичностью мы понимаем и его соответствующее качество – структурно=логическую схему, и соответствующее свойство развертывания этой схемы, обусловленное тем, что языковые средства, «максимально отвечая требованиям логического мышления, выражают чисто понятийное мышление» (Сенкевич 1976: 35).

На схеме после отточия приведены такие частные качества текста, соотносимые с контурами системы, как понятность – «мучительное непонимание». От-

точие сигнализирует о том, что данные контуры установлены на другой основе – с учетом интерпретации текста либо автором, либо читателем. Так, понятность текста для автора несомненна, вместе с тем ясно, что затруднения при выражении мысли обусловлены ее несовершенством, неясностью связей между элементами мысли, «мучительным непониманием ее сущности». Как считает Д. А. Леонтьев, «понимание не гарантировано, оно ограничено» (Леонтьев 2006: 24). Естественно, что понимание текста читателем сталкивается с другими барьерами, прежде всего связанными с неопределенностью, нечеткостью терминированных понятий и их связи в терминосистеме текста.

Интересно, что к своему непониманию авторы относятся по-разному. Одни скрывают его, выражая мысль «мягко», гипотетично, эксплицируя сомнение, неуверенность, т. е. проявляют «толерантность к собственному непониманию» (Леонтьев 2006: 24). Другие игнорируют непонимание, предпочитая констатирующую форму речи. Третьи покрывают его флером уверенности, предпочитая категорично-экспрессивную форму речи.

В случае непонимания хода авторской мысли редактору целесообразно устранить «темные места» и заполнить их связующими конструкциями.

В плане культуры письменной речи отметим, что с понятностью-непонятностью речи не соотносятся какие-либо определенные языковые либо текстовые единицы. Это эмерджентное качество речи можно считать контекстуальным, поэтому требующим весьма пристального внимания автора и редактора.

В заключение подчеркнем следующее. Несомненно, что научный текст обладает речевой системностью. Вместе с тем для выявления, объяснения и устране-

ния погрешностей можно применить системный подход, т. е. рассмотреть редактирование как систему, в результате которого гармонизируется система «Качество текста». Эта система имеет открытый характер не только потому, что «совершенствованию нет предела», но и потому, что в соответствии со специфическим – контурным – мышлением при редактировании в действие приводятся,

или актуализируются, лишь те или иные (в зависимости от опыта и компетенции автора или редактора) контуры системы и составляющие их «петли обратной связи». При этом важно, что в процессе восприятия текста происходит самодостраивание целостной структуры текста благодаря целостно-композиционному мышлению и интеллектуальной интуиции (Князева 1996: 109).

48

summary

Σ Explanatory Approach to Editing Scientific Discourse

The process of editing scientific discourse is explained in terms of trans-disciplinary positions – linguistic, epistemic, logical and psychological forming in their complexity a systemic approach to the technology of editing.

The systemic approach is realized by means of minimized flexible, dynamic mental model of the text. The model of a standard text is a total combination of such features as: monolithic – divisible character, logicity – associativity, cohesion – intermittance, integrity – compositivity and others.

Литература

- Вайянт 1976: **Вайянт Г. В.** *Когда информация становится знанием?* – In: *Коммуникация в современной науке.* – Москва.
- Вучева 2005: **Вучева Е.** *За трите семантични плана на речта.* – In: «Съпоставително езикознание». – №1.
- Данилевская 1992: **Данилевская Н. В.** *Вариативные повторы как средство развертывания научного текста.* – Пермь.
- Данилевская 2005: **Данилевская Н. В.** *Роль оценки в механизме развертывания научного текста.* – Пермь.
- Дементьев, Рогачева 2006: **Дементьев В. В., Рогачева Н. Б.** *Сопоставление культур через посредство категории «Коммуникативный идеал».* – In: «Stylistyka». – Opole. – xv.
- Зуев 2005: **Зуев К. В.** *Идеологизация языка в политических, авангардистских и научных текстах начала XX в.* – Канд. дисс. – Ставрополь.
- Кибрик 2003: **Кибрик А. Е.** *Константы и переменные язык.* – Санкт-Петербург.

- Князева 1996: **Князева Е. Н.** Синергетическая модель эволюции научного знания. – *Ип: Эволюционная эпистемология: проблемы, перспективы.* – Москва.
- Коммуникация в современной науке. *Логика и методология науки: Сборник переводов. Составление, общая редакция и вступительная статья Э. М. Мирского и В. Н. Садовского, 1976, Москва.*
- Леонтьев 2006: **Леонтьев Д. А.** Понимание смысла и смысл понимания. – *Ип: Понимание: опыт мультидисциплинарного исследования (Под общ. ред. А. А. Брудного, А. В. Уткина, Е. И. Яцуты).* – Москва.
- Майер 2006: **Майер Б. О.** Философский метаанализ и герменевтика в естественных науках. – *Ип: Понимание: опыт мультидисциплинарного исследования (Под общ. ред. А. А. Брудного, А. В. Уткина, Е. И. Яцуты).* – Москва.
- Митина 2006: **Митина О. В.** Математика как язык междисциплинарного взаимодействия: перспективы математических методов в гуманитарных науках. – *Ип: Поверх барьеров: человек, текст, общение: Тезисы научной конференции, посвященной 70-летию со дня рождения А. А. Леонтьева.* – Москва.
- Мучник 1985: **Мучник Б. С.** Человек и текст. – Москва.
- Мышление: процесс, деятельность, общение / Под ред. А. В. Брушлинского, 1982, Москва.*
- О’Коннор 2006: **О’Коннор Дж.** Искусство системного мышления: Необходимые знания о системах и творческом подходе к решению проблем / Джозеф О’Коннор и Иан Макдермотт. – Москва.
- Понимание: опыт мультидисциплинарного исследования / Под общ. ред. А. А. Брудного, А. В. Уткина, Е. И. Яцуты, 2006, Москва.*
- Рябцева 2005: **Рябцева Н. К.** Язык и естественный интеллект. – Москва.
- Сенкевич 1976: **Сенкевич М. П.** Стилистика научной речи и литературное редактирование научных произведений. – Москва.
- Улановский 2006: **Улановский А. М.** Смысл и понимание речевого сообщения. – *Ип: Понимание: опыт мультидисциплинарного исследования (Под общ. ред. А. А. Брудного, А. В. Уткина, Е. И. Яцуты).* – Москва.
- Чернявская 2004: **Чернявская В. Е.** Интерпретация научного текста: теоретическое учебное пособие. – Санкт-Петербург.
- Фрей 2006: **Фрей А.** Грамматика ошибок: Пер. с фр. / Вступ. ст. В. М. Алпатова. – Москва.